

Фрэнк Маккорт

Фрэнк
Маккорт

Прах Анджелы

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
М15

Серия «XX век / XXI век — The Best»

Frank McCourt
ANGELA'S ASHES

Перевод с английского *Е. Матвеевой*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения The Friedrich Agency
и The Van Lear Agency LLC.

Маккорт, Фрэнк.

М15 Прах Анджелы : [роман]/ Фрэнк Маккорт ; [пер. с англ. Е. Матвеевой]. — Москва: Издательство АСТ, 2018. — 448 с. — (XX век / XXI век — The Best).

ISBN 978-5-17-105789-3

Нищета гнала ирландцев через океан в Америку, — и нищета погнала их обратно во времена Великой депрессии.

Одними из многих стала семья Маккорт, в 1934 году вернувшаяся в Лимерик.

И вот тогда для них начался настоящий ад...

Голод. Безработица. Беспробудное пьянство отцов семейств, оставлявших на кабацкой стойке немногие заработанные гроши.

Смерть, ставшая частой гостьей в лимерикских трущобах. И тяжкий груз ответственности, который лег на плечи маленького мальчика, вынужденного стать настоящим главой семьи...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Frank McCourt, 1996

Школа перевода В. Баканова, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Фрэнк Маккорт (*в первом ряду справа*) на площадке школы
в Лимерике, Ирландия, 1938.

*Эту книгу я посвящаю моим братьям: Мэйлахи,
Майклу и Альфонсу.
Я учусь у вас, восхищаюсь вами и люблю вас.*

Благодарности

Позвольте мне пропеть краткую оду женщинам.

Арлин Дальберг разворошила почти угасшие угли воспоминаний.

Лиза Шварцбаум прочла первые страницы и поддержала меня в моем начинании.

Мэри Брэстед Смит, великолепный новеллист, прочла первую треть рукописи и передала ее Молли Фридрих, которая, став моим литературным агентом, рассудила, что Нэн Грэхем — главный редактор издательства «Скрибнер» — именно тот человек, который даст книге путевку в жизнь.

Молли оказалась права.

Моя дочь, Мэгги, показала мне, что жизнь — увлекательнейшее путешествие, а чудесные мгновения, проведенные с моей внучкой Кьярой, помогли мне взглянуть на мир глазами ребенка.

Моя жена, Эллен, была моим слушателем и поддерживала меня в работе с первой до последней страницы.

Благословен я между мужей.

I

Лучше бы мои родители не уезжали из Нью-Йорка, где познакомились, поженились и где родился я. Однако они вернулись в Ирландию, когда мне было четыре года, моему брату Мэйлахи — три, близнецам Оливеру и Юджину едва исполнился годик, а нашей сестры Маргарет уже не было в живых.

Оглядываясь на свое детство, я удивляюсь, что вообще выжил. Разумеется, счастливым его не назовешь, иначе о нем не стоило бы рассказывать. Хуже просто несчастного детства — ирландское несчастное детство, но куда хуже — несчастное детство ирландца-католика.

Как бы кто ни похвалялся, сколько горестей ему, бедному, довелось пережить в малолетстве, ничто не сравнится с ирландской их версией: постоянная нужда, безвольный и болтливый пьяница-отец, набожная безропотная мать, вечно плачущая у очага, надменные священники, жестокие учителя, а еще англичане и то, как ужасно они нас притесняли долгих восемьсот лет.

А в довершение всех бед — постоянная сырость.

Где-то над Атлантикой тучи специально собирались в густую серую пелену, которая, неспешно проплыв вдоль всей реки Шаннон, плотно повисала над Лимериком. Дождь лил с праздника Обрезания Господня¹ и до Ново-

¹ Праздник Обрезания Господня — в католицизме отмечается 1 января.

го года. Оттого в городе постоянно слышалась какофония кашля: кто перхал, кто сипел, кто хрипел. Носы превращались в фонтаны, а легкие — в мокрые губки, полные микробов. Изобреталось невероятное количество снадобий: от насморка полагалось выпить отвар лука в молоке с перцем, а от застарелого кашля — шлепнуть на грудь горячую крапивную лепешку, завернутую в тряпицу.

С октября по апрель стены домов блестели от сырости. Одежда не просыхала: твидовые и шерстяные пальто кишели живностью, а подчас и обрастали неведомой растительностью. Воздух в пабах клубился паром от мокрой одежды и дымом от сигарет и курительных трубок. К ним примешивался кислый запах пролитого пива, виски и вонь из уличных сортиров, где блевали только что пропитой недельной получкой.

Дождь загонял нас в церковь. Она была нашим прибежищем, оплотом и единственным сухим местом. Служил ли священник мессу, призывал ли благословение¹ или отчитывал девятину², мы, сбившись в кучи, дремали под его монотонный голос, а пар, поднимавшийся от мокрой одежды, смешивался со сладковатым ароматом благовоний, цветов и свечного воска.

Лимерик прославился набожностью своих жителей, но мы-то знали, что причиной всему — дождь.

* * *

Мой отец, Мэйлахи Маккорт, родился на ферме в Туме, что в ирландском графстве Антрим. Как и его отец в свое время, нрава он был бунтарского, выступал то про-

¹ Благословение или бенедикция (*лат.* Benediction) — обряд католической церкви, посредством которого призывается благословение Божие или на людей в особых обстоятельствах жизни, или с целью освящения мест и предметов. — *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. пер.*

² Девятина или новенна — традиционная католическая молитвенная практика, заключающаяся в чтении определенных молитв в течение девяти дней подряд.

тив англичан, то против ирландцев, а то против и тех и других. Сражаясь в рядах старой ИРА¹, он совершил какой-то совершенно отчаянный поступок, и за его голову назначили выкуп.

В детстве я бывало смотрел на отцовы редеющие волосы, плохие зубы и удивлялся: зачем кому-то такая голова, да еще за деньги? Когда мне было тринадцать, бабушка со стороны отца поведала мне по секрету:

— Бедного отца твоего в младенчестве на голову уронили. Нечаянно, но после этого он так и не стал прежним. Так вот запомни: кого на голову роняли, те малость странными становятся.

Из-за выкупа, назначенного за голову, на которую его роняли, отца тайно вывезли на грузовом корабле, отплавившем из Голуэя. В Нью-Йорке тогда всюю действовал сухой закон, и отец поначалу подумал, что умер и попал в ад за все свои грехи. Потом он обнаружил подпольные пивнушки и утешился.

После пьяных скитаний по Америке и Англии отец на склоне лет возжаждал покоя и вернулся в Белфаст. Там тогда полыхали беспорядки, но мой родитель махнул на все рукой, сказав: «Чума на все ваши дома», — и свел знакомство с дамами из Андерсонтауна². Они соблазняли его всяческими лакомствами, но он отказывался и только знай себе чаек попивал. Зачем другие радости жизни, если больше не куришь, и к алкоголю не притрагиваешься? Когда пришло его время он тихо скончался в больнице королевы Виктории.

Моя матушка, в девичестве Анджела Шихан, выросла в лимерикских трущобах, где жила с матерью, братьями — Томасом и Патриком — и сестрой Агнес. Отца она никогда не видела — тот сбежал в Австралию за несколько месяцев до рождения младшей дочери.

¹ ИРА — Ирландская республиканская партия — военизированная группировка, целью которой было достижение полной самостоятельности Ирландии от Великобритании.

² Андерсонтаун — пригород Белфаста.

Вот он, нагрузившись портером, бредет по ночному переулку и горланит свою любимую песню:

*Кто в похлебке хозяйской портки утопил?
Никто не сознался, и Тим возопил:
Бросайте свои вы ирландские штучки,
Иначе задам я серьезную взбучку
Тому, кто в похлебке портки утопил!*

Сил у него хоть отбавляй, так отчего бы не поиграть с малышом Патриком, годовалым сыночком. Славный малый. И папочку любит. Смеется, когда папочка его подкидывает. Опля! Малыш Пэдди. А ну, еще раз давай, повыше. Темно-то как! Господи, не поймал! Бедняжка Патрик приземляется прямо на голову, в горлышке у него что-то булькает и он затихает. Бабушка сползает с постели, тяжело ей — в животе еще один ребенок, моя мать. С трудом подняв младенца с пола, она издает протяжный стон и яростно напускается на деда:

— Убирайся отсюда! Вон! Не то за топор возьмусь, пройца чертов! Или придушу, Богом клянусь! Вон!

Дед не уступает — он же мужчина.

— Имею право, — говорит, — в собственном доме находиться.

Бабушка кидается на него и под натиском этого «крутящегося дервиша» с покалеченным ребенком на руках и здоровым — в утробе, дед пятится к двери, выскакивает на улицу и не останавливается до самого Мельбурна.

Малыш Пэт, мой дядя, так до конца и не оправился после того происшествия: вырос слабоумным и левая нога у него не слушалась всего остального тела. Грамоте он так и не обучился, но одним талантом Господь его все же наградил. В восемь лет он начал продавать газеты — тут-то и обнаружилось, что деньги он считает лучше, чем сам канцлер казначейства. Почему-то Пэта прозвали Эб Шихан, сокращенно от Эббот. Весь Лимерик его любил.

¹ Популярная ирландская песня, написанная Джорджем Л. Гифером в 1898 году.

А у моей матушки неприятности начались с той самой ночи, когда она родилась. Вот моя бабушка стонет в родовых муках, молится святому Герарду Майелле¹ — покровителю беременных.

Рядом сидит сестра О'Холлоран, повитуха, в своем лучшем платье. Вот-вот наступит Новый год, и миссис О'Холлоран ждет не дождется, когда младенец родится и можно будет убежать на праздник.

— Тужься же, тужься, — заставляет она бабушку. — Господи Иисусе и святые Мария с Иосифом. Если не поторопишься, ребенок не успеет родиться до Нового года, а зачем я тогда платье новое надела? Хватит уже своему Майелле молиться. Какой прок сейчас от мужчины, будь он хоть трижды святой? Нашла кого просить.

Бабушка обращается к святой Анне — вспоможительнице в родах. Ребенок не выходит.

— Святому Иуде молись, покровителю отчаявшихся, — велит сестра О'Холлоран.

— Святой Иуда, помоги мне. Я отчаялась. — Бабушка кричит, тужится, появляется головка моей матушки, и тут наступает полночь и Новый год. Город оглашается свистками, гудками, воем сирен, играют духовые оркестры, все поздравляют друг друга с Новым годом, поют «За дружбу старую»², колокола в церкви звонят Анжелюса³, повитуха всхлипывает:

— Да что ж такое-то! Ребенок все никак не родится, а я сижу тут разодетая.

Дитя, родишься ли ты? Бабушка тужится изо всех сил, и младенец появляется на свет — милая девочка с чер-

¹ Герард Майелла (1729–1755) — итальянский монах из Ордена редемптористов.

² «За дружбу старую» (*англ.* Should auld acquaintance be forgot) — шотландская песня на стихи Роберта Бернса, которая чаще всего поется в Новый год, сразу после полуночи.

³ От названия католической молитвы «Angelus Domini», которая читается три раза в день: утром, в обед и вечером. В католических церквях звонили Анжелюса, призывая верующих помолиться.

ными кудрявыми волосами и печальными голубыми глазами.

— Господь всемогущий, — сокрушается О'Холлоран. — Дитя непонятно когда родилось: голова в новом году, а зад в старом, или голова в старом, а зад в новом? Вам, миссус, надобно теперь папе римскому писать, чтоб точно знать, в каком году ребеночек народился, а я плакать до следующего года приберегу.

Ребенка назвали Анжелой в честь Анжелюса, что звонил в новогоднюю полночь, в ту самую минуту, когда она родилась, да и просто потому что девочка — суший ангел.

*Ты матушку свою люби, как в детстве,
Пока жива она, пускай стара, седа.
По материнской по любви тоскует сердце,
Когда ее теряешь навсегда¹.*

В школе Святого Викентия де Поля² Анжелу художественно обучили грамоте и счету, и в девять лет учеба для нее закончилась. Она пыталась работать поломойкой, горничной, привратницей в белом чепце, однако же так и не сумела освоить книксен.

— Ну что ты за неумеха! Поезжай в Америку — там таких привечают. Денег на дорогу дам, — сказала ей мать.

Анджела прибыла в Нью-Йорк в День благодарения аккурат в том году, когда началась Великая депрессия. Мэйлахи она повстречала на вечеринке у Дэна и Минни Макэдори, которые жили на Классон-авеню в Бруклине. Анджела приглянулась Мэйлахи, да и он ей тоже. У него тогда был взгляд побитой собаки после трех месяцев в кутузке, куда он угодил за угон грузовика. Они с дружкой Джоном Макерлейном услышали в пивнушке про грузо-

¹ Строки из ирландской песни Томаса П. Кинана «Матери любовь благословенна».

² Святой Викентий де Поль (1581–1660) — католический святой (27 сентября), основатель конгрегации лазаристов и общины дочерей милосердия. Покровитель госпиталей, заключенных, благотворительных организаций.

вик, доверху набитый свиной тушенкой и консервированной фасолью. Водить ни тот ни другой не умели, так что когда полицейские увидели вихляющий по Миртль-авеню грузовик, то без труда прижали его к обочине. Увидев груз, в котором не оказалось ни свинины, ни фасоли, они пришли в недоумение: зачем угонщикам понадобилось столько коробок с пуговицами?

Анджела запала на виноватый взгляд Мэйлахи, а тот насиделся в тюрьме, так что они полюбили друг друга до дрожи в коленках, то есть стоя у стены на цыпочках — попробуй не задрожит от такого напряжения.

Спустя некоторое время выяснилось, что от этой дрожи Анджела в интересном положении, и, конечно, пошли сплетни. В Нью-Йорке жили кузины Анджелы: Делия и Филомена, которые в девичестве носили фамилию Макнамара, а теперь были замужем соответственно за Джимми Форчуном из графства Мейо и Томми Флинном из Бруклина.

Обе — крупные дамы с выдающейся грудью и крутым нравом. Когда они величественно, словно корабли по морю, плыли по тротуарам Бруклина, низшим существам следовало с почтением расступаться. Сестры твердо знали, что правильно и что неправильно, а для всех спорных вопросов существовала единая, святая, апостольская Римско-католическая церковь. Незамужняя Анджела не имела права находиться в интересном положении, посему надлежало срочно предпринять определенные меры.

Они и предприняли. Захватив с собой мужей, Джимми и Томми, сестры отправились в пивнушку на Атлантик-авеню, где Мэйлахи, когда у него была работа, пропивал получку по пятницам. Хозяин забегаловки, Джоуи Каччьямани, впускать сестриц не хотел, но Филомена заявила — если ему дороги его нос и входная дверь, то пусть открывает сейчас же, они с богоугодным делом пришли.

— Ладно-ладно, — сдался Джоуи. — Не шумите. С вами, ирландцами, лучше не связываться, святая правда!

При виде грудастых сестриц сидевший в дальнем углу бара Мэйлахи побледнел, вымученно улыбнулся и предложил им выпить. Улыбку они оставили без ответа, а предложение о выпивке с презрением отвергли.

— Уж не знаю, из какой ты там дыры в Северной Ирландии, — начала Делия.

— У тебя, поди, пресвитерианцы¹ в роду водились, иначе с чего было так поступать с нашей кузиной? — вторила ей Филомена.

— А если и водились, — заахал Джимми. — Он же в том не виноват.

— Пасть закрой, — велела ему Делия.

Томми пришлось вмешаться и заявить, что вести себя так с бедной девушкой — значит позорить всех ирландцев, и что Мэйлахи должно быть стыдно.

— Ага, стыдно, — признал Мэйлахи. — Ох, как стыдно.

— Тебя разве спрашивали? — взъелась Филомена. — Вон до чего дотрепался, так что закрой хлебало.

— А пока хлебало твое закрыто, мы тебе объясним, как по-правильному поступить с нашей кузиной Анджелой Шихан.

— Ага-ага, — закивал Мэйлахи. — Уж что правильно — то правильно, а я бы рад всех вас пивком угостить, пока мы так мило беседуем.

— Возьми свое пиво и засунь его себе в зад, — заявил Томми.

— Не успела наша малышка-кузина с парохода сойти, как ты ее обрюхатил. Мы в Лимерике — люди праведные, не чета вам, недомеркам из Антрима, который кишмя-кишит пресвитерианцами.

— Да не похож он на пресвитерианца, — подал голос Джимми.

— Пасть закрой, — велела Делия.

— И еще мы кое-что заметили, — сказала Филомена. — Ты со странностями.

— Правда? — улыбнулся Мэйлахи.

¹ Пресвитерианство — одно из направлений протестантизма.